КАК МЫ ПИШЕМ

Глеб ГОРБОВСКИЙ

ЖИВАЯ ВОДА

Отвечая на деловой вопрос рубрики, чувствуешь в себе некую опрометчивость, если не смущение. О деликатности писательского труда как-то не принято рассуждать. Приобрел профессию — стало быть, делись опытом, как все. Освещай.

При ближайшем рассмотрении фраза «как мы пишем» — несколько прямолинейна, даже наивна. С возрастом ее неизбежно хочется переиначить в «зачем пишем». Оглядываясь в очередной раз на пройденное, ловлю себя на том, что прежде в моих писаниях было больше «как», то есть формы, внешнего эффекта (не в рифмах и даже не в образном наборе, а скорее — в позе, в экзистенциальном толковании творческой личности, в если не проповеди «поэтического» одиночества, то в несомненном любовании им). Печальное заблуждение, ибо в соревновании Любви (любви к людям, живому, вечному) и Отстраненности (от людей, живого, вечного) побеждает неотвратимо — Любовь. Веками времени и миллионами жизней доказано. Двигает творчество, сохраняет его (как и жизнь на земле) именно эта гражданственная позиция. И рано или поздно перед любым человеком (а перед творческой личностью — в первую очередь) вырастает вопрос: с кем ты? С людьми или с фразами, с живыми или неодушевленными понятиями? А так как питает нас жизнь (и духовная в том числе), так как творческая энергия и материя наших произведений — плоть от плоти ее величества Жизни (даже абстрактные полотна, стихи, музыка — все они дети конкретных материалов: слов, красок, тканей, химических соединений, струн, дерева и т. п.). — отсюда и выбор: Живое. Жизнью питаясь — пишем. А что касается «как» — это уже детали, как говорится. Во всяком случае — всяк по-своему пишем. И прежде всего — постоянно. Когда под рукою нет бумаги — пишем «в уме», пытаясь сосредоточиться на чем-то одном, наиболее сподручном, если хотите — удобном к написанию, то есть на чем-то, отвечающем вашему духовному состоянию, на чем-то, утверждающем вас в определенном мировоззрении (если таковое сложилось). Но это все рассуждения. А конкретно? Как мы пишем? Приведу несколько «достоверных фактов» из собственной «кухни».

Вхождений в письмо, начал — лично у меня — множество. Но прежде всего — воля. Я заставляю себя работать. Бывает и так, что возникает некий импульс со стороны, толчок к написанию. Он и является стартером к запуску «двигателя». Какой-нибудь факт, жизненная ситуация (такое чаще для вещи сюжетной, эпического наполнения).

Однажды, когда я в очередной раз куда-то уезжал по железной дороге (которую с детства люблю и предпочитаю другим средствам передвижения), в толчее вокзальной увидел потерявшуюся девочку-малышку, а с ней юного милиционера. И сразу будто в грудь толкнуло: остановись! Расспроси. Ведь тут тебе и добро, и зло в натуральную величину, тут тебе душа человеческая и якобы — толпа безликая; тут тебе горе чужое, но которое жалит, как свое... Словом, тут тебе — только пиши, успевай. В итоге — стихи. Затем эта же ситуация послужила поводом для работы над повестью «Вокзал», куда «потеряшка» вошла эпизодом, надстроив над собой тему более обширную — тему времени, «проезда», прихода и ухода.

Или на том же вокзале пса бездомного, вернее, потерянного, мечущегося в поисках хозяина однажды повстречал. Пса, который к одному дядьке, должно быть, похожему на хозяина, кинулся, в нос лизнул! И получил — башмак в зубы. А в результате еще одно стихотворение. Слабенькое, где-то с басенной концовочкой, но мне дорогое, потому что непридуманное.

Я никогда не ездил за стихами, как за грибами с корзиной. Однако немало стихотворных сюжетов приобрел именно в странствиях. Работал на Сахалине с геофизиками, наткнулся на лесной пожар. Увидел мертвый лес. Написал об этом зрелище. Много лет спустя, в командировке на БАМе, в одном леспромхозе эмоциональный директор распорядился стихи о «Мертвом лесе» на столбы и деревья приколотить — как предупреждение... против пожаров. Или на Камчатке. Пролетали с аэрофотосъемкой над вулканом. Выглянул в люк и увидел... преисподнюю!! То есть — жерло, пасть вулкана. Не удержался, достал блокнотик, согнулся над вулканчиком и написал нечто шутливо-серьезное. А в Якутии, на ее севере, возле Верхоянского хребта, встретил в маленьком поселке компанию из бродячих собак и... лошади. Ходят по дворам, помойкам, заняты делом, «борются за существование». Руки сами принялись рисовать. Однако — не фотографировать. Всякий яркий, достойный размышления образ влечет за собой широкие обобщения, если не вселенские, то в масштабах нашей «земли людей».

Стихи-воспоминания... Бывают и такие. Когда оглядываешься. Когда уже проще осмыслить движение жизни. Оглядываешься на войну, где мальчишкой скитался, как та лошадь, в поисках правды; оглядываешься на город, где встретил однажды самого дорогого тебе человека; оглядываешься на речушку, которая навеяла тебе одно из первых стихотворений... Кстати, о первом стихотворении. У меня оно — от живописи. Такая махонькая открыточка попалась в сорок шестом году. Ярошенко — «Всюду жизнь». Арестанты кормят голубей из окна вагона. После злых дымных дней войны, после пряток, скитаний, побегов, после колючей проволоки чем-то щемящим повеяло от картинки... И побежали по косым линейкам школьной тетради косые строчки первых «прапрастихов», полетели от костра судьбы искры и будущих стихотворений.

Возвращаясь к послевоенной юности, вспоминаешь, с каким трепетом священным, даже испугом душевным начал я, интеллектуальный дичок, знакомство с великими русскими писателями. Они буквально спасли меня — эти первые: Тургенев, Толстой, Достоевский (Пушкин был раньше, в сказках и стихах матери). А ведь и то: до них — только борьба за существование, после них — борьба за Жизнь. Полное перерождение. После солнца тургеневской деревни, после необозримых пространств толстовской прозы, после величайших глубин Достоевского с его такими земными, неистовыми сверхстрастями. Как тут было устоять в молчаливой позе читателя, как тут было не начать и самому «бродить» пером по бумаге?

А встреча с Блоком?! С его, казалось, заоблачной, нездешней поэзией? Непонятная порой — как легко входила она в душу, как сладко было ее пить сердцу... Однажды, лет двадцать тому назад, на Ленинградской студии телевидения шла в эфир «живьем» передача, посвященная А. А. Блоку. Одна из первых передач на эту тему. Жила еще Анна Ахматова, принимавшая в передаче посильное участие, сидела рядом со мной на диванчике известная в прошлом актриса, близкая Блока, — Дельмас. И вот я, так сказать, подготовишка в поэзии, говорю что-то о Блоке! Читаю его знаменитые теперь стихи о поэтах — «За городом вырос пустынный квартал...», — да так лихо читаю, с таким растворением в стихах гения, что спустя несколько дней мне уже пишут зрители и благодарят за... «мои» великолепные стихи. Помнится, было жутко приятно и... обидно, обидно, что не мои все-таки, а великого поэта стихи.

И еще — когда похвалят, обнадежат в пути, после такого животворного «впрыскивания», помнится, тоже хорошо писалось. Невымученно и почти всегда удачно. Скажем, заметил М. А. Дудин мое стихотворение «Приходите ко мне ночевать», отметил положительно в рецензии — и я после так расписался, как давно у меня не было. Напечатал Сергей Орлов подборку в журнале «Нева» — самую первую, самую незабываемую, — я и вообще земли не касаясь ходил! — не от гордости, от — радости. Или понравились Анне Андреевне Ахматовой стихи из цикла «Косые сучья», и я, надписывая ей что-то невразумительное на листочке со стихами, видел сквозь ее лицо, сквозь ее усталые глаза всю нашу славную поэзию — от седого, величавого Державина и вечно молодого, с добрыми трагическими глазами Пушкина до не менее трагического и молодого Блока. И Маяковского. Спасибо им всем. Спасителям душ людских.

Конечно же, примеров элементарного переноса жизненного материала в область фантазии я мог бы привести множество.

Что ни говори, а деталь, конкретный камень, из которого поэт или прозаик строит свой словесный, образный дом, добывается в карьерах повседневности, то есть жизни. Важно, с какой долей индивидуального мастерства сможешь ты сложить из этих конкреций свою ту или иную фигуру: лирическое стихотворение, балладу, поэму или рассказ, повесть, роман.

Бытует понятие о поэтическом вдохновении. Что якобы если своевременно уловить его — считай, что стихотворение у тебя в кармане, то бишь в блокноте... Вдохновение-де и есть залог успеха, а все остальное — детали. А что есть детали? Достоверные, узнаваемые, конкретные детали? Кто умеет являть словом именно эти живые — сама естественность, как серебристая рыба, — трепещущие в ваших руках образы, тот, можно сказать, уже причастен к поэтическому мастерству. А вдохновение — это просто хорошее настроение, состояние, когда писать действительно легче, радостней, азартней. И получается тогда как бы лучше, изящней, мощней. Кто спорит: жить приятнее в хорошую погоду, нежели в дурную. Но тут-то и выявляется мастер, профессионал в своем деле, способный работать постоянно, то есть регулярно. Слякотно на его душе или ветерком райским мысли обдает — ему надлежит выполнять завет тихого поэта с бухгалтерскими очками — Н. Заболоцкого: «Душа обязана трудиться и день и ночь, и день и ночь!».

Помимо чисто «технического» вооружения, о котором я говорил выше (умение живописать словом), необходимы поэту гибкие, острые, способные уходить на значительную жизненную глубину мысли. Говоря откровенно, поэт должен быть умным. Вы скажете, это само собой подразумевается. Или: как до занятия творчеством измерить наличие ума? Или: глупых поэтов не бывает. Правильно: истинный поэт всегда талантлив и плюс всегда... должным образом умен. Оглядываясь на вопрос «как мы пишем?», можно добавить: пишем не столько постоянно и не только при помощи конкретных, сочных деталей, но и с неизменным напряжением мысли, с неусыпным самоконтролем. Необходимо зорко следить за собой: а не повторяешься ли ты, не изобретаешь ли велосипед? Не слишком ли уныл, вял или, чего греха таить, зануден твой слог, твоя строка? Не отписываешься ли ты, вместо того чтобы делать пусть маленькие, но — чудеса, открытия?

Поющих, как трава, как вода, даже как птица, поэтов в наше время не признаю и всегда скажу такому «органчику»: учиться, парень, надо. И думать: зачем пришел на землю, для чего решил песней слух посторонний тревожить, к какому полюсу тяготеешь: к холодному или теплому, то есть доброму или злому?

Меня всегда волновал вопрос: чем трогают стихи читательское сердце? Мерой сопережитого читателем и поэтом? Методом открытия в читательской голове давно искомых истин, подтверждений частной правды? Да, конечно, и это, и то, и еще многое. Разные стихи по-разному волнуют разных людей. От чувств и мыслей изначальных, категорий как бы для первого этажа до высоких, мансардных сфер, где сидят ведуны искушенные, богато эрудированные, с мозгом, насыщенным знаниями и чувствами, как яблоко — земными соками. Много в читательской среде таких этажей-аудиторий, и у каждого такого «культурного слоя» — свои поэты, свои философы. Но при чем тут «как мы пишем»? — спросите вы. А при том, что когда мы пишем, то постоянно оглядываемся на опыт предшественников, и чаще — на мансарду, на верхние этажи, стараясь по возможности равняться на «великих» читателей и только на великих писателей. Ибо писать для средненького, оперируя мыслями общего ряда, то есть зауряда, грешно и непростительно. Так мы и стараемся: писать как бы снизу вверх. Стараемся, но далеко не всегда так у нас получается. Зато уж если получилось — хотя бы однажды, хотя бы строкой единой коснулся ты высот тех заоблачных, — значит, не зря жил. Ибо приобщился, вкусил вечного, горнего...

И здесь время привести какое-либо подкрепляющее эту «горнюю мечту» высказывание, оставляющее за поэтом, коснувшимся облаков, право на литературную жизнь. Скажем, В. В. Вересаев представлял себе это примерно так. Сидит он за большим круглым столом (где-то в районе Парнаса), сидят за этим общим столом знаменитые писатели, и у каждого из них в руке емкость: у кого фужер, у кого кубок или бокал, а то и стопка, лафитничек... А наш писатель — с маленькой рюмочкой. Не беда, говорит писатель, что с маленькой. И заключает: зато со своей!

И здесь опять вопрос «как мы пишем?» перерождается в «зачем пишем?». А вот затем именно, чтобы, помимо всего непреложного, социального, всех жизненных нагрузок на тот или иной талант, суметь сказать в итоге: а я — со своей... А рюмочкой там или стаканом — не столь теперь (в итоге-то) важно, главное — со своей, именной. И здесь уж «своей» должна быть не только форма рюмочки, огранка, то есть интонация письма, оболочка словесная, но прежде всего ты сам должен быть самим собой. Суть свою личностную, мир свой, душу свою разъединственную сохранить должен в пути, не утратить в борениях. И все это отобразить и вместе с общественным, с главенствующим свое, частное, невероятное до читателя донести. Именно потому невероятное, что никогда впредь природой не повторенное, не смоделированное в двойнике.

Отсюда и пишем мы, пишущие, каждый на свой манер, на свой лад. И учиться у пишущего письму возможно только с внешней стороны: какие он темы берет, какие сравнения чаще употребляет, какие факты или проблемы его чаще волнуют, сколько цветов радуги присутствует в его сочинениях, сколько штук славянизмов, а сколько — канцеляризмов... Подсчитать все можно. Особенно в наш «эвэмный» век. А вот как писать научиться, как поэтом сделаться — этого, пожалуй, и сам поэт отчетливо не знает.

Однако процесс сочинительства, возникновения стихотворной строки, образа, поэтической атмосферы на бумаге — таинство куда более разнообразное, нежели моя попытка представить его. Повторяю, у каждого из пишущих — свои приемы, свои нюансы, свои привычки, если хотите. Изо дня в день, из года в год за своим верстаком. Естественно, что в итоге — свой почерк и опыт. Для того чтобы стихами выразить ту или иную мысль, мне иногда достаточно слова, чаще всего это — существительное, чтобы оттолкнуться и начать писать стихи, прогибая ветвь строки в сторону того именно смысла, который необходим. Скажем, ударило по глазам или ушам слово «чемодан», и я пишу стихи, которые давно бродили в подсознании, стихи о движении, о том, что все мы в жизни транзитные пассажиры и нужно как можно больше успеть совершить для того, чтобы... и т. д. Помогают в разбеге мысли и — великие творцы. Чтение бессмертных произведений помогает. Скажем, было так. Несколько дней не получались стихи. Писать я их писал, но — не получалось... И вдруг чудо. На развале у букинистов приобрел журнал «Современник». Пушкинский. Пятый том. Четыре — при жизни Пушкина, пятый — посмертный. Тот, который оплакивает нашего гения. И вот в нем — последние стихотворения Александра Сергеевича: «...Вновь я посетил...», «Отцы пустынники и жены непорочны...» и к лицейской годовщине 1836 года. Как будто с живым поэтом поговорил. Живой воды напился. И не сразу (сразу даже страшно как-то), но, помнится, в тот самый день что-то приличное написалось.

Как мы пишем? Когда радуемся чужой, вернее, товарища по перу удаче. Возгораемся и пишем. Потревоженные ветром от крыльев его песни. Пишем, когда хотим что-то определенное сказать, какую-то цель преследуя, потому как сами живые, среди живых обретаемся, от их болей и радостей зависит и наше призрачное поэтическое «благополучие». Мы пишем, когда нас самих что-то ранит или ласкает; когда мы влюбляемся или теряем «предмет» любви. Еще пишем (и это в основном), когда вообще любим. Любовью. Постоянно. Истинно. Окружающий нас мир. Людей, зверей, деревья, воду, цветы — Землю. И — Небо.

ЛЕНИНГРАД